

То, что Елена Тулушева заметное явление в нашей молодой прозе — это бесспорно. Речь может пойти только о том, как она это делает, то есть о жизненной и творческой базе, на которой держится её явный успех. Об успехе говорят публикации в серьёзных литературных журналах и толика премий. Серьёзная девушка, пишущая о серьёзных вещах. Врач по образованию, работала во Франции и США. Ни образование, ни кругозор, ни культура ещё никому не мешали излагать письменно свои мысли и видеть мир. О мыслях сказал не случайно, потому что ещё Пушкин полагал, что основой прозы является мысль, мысль и мысль. И сколько бы мне ни говорили, как важно в прозе плотное цветастое слово, я вслед за “нашим всем” буду думать, что без мысли и ворох пейзажей и подсвеченных уходящим солнцем далее будет для читателя мёртв. Но и словом Тулушева тоже владеет с такой уверенностью, которая предполагает не вымученные и приобретенные возможности, а подлинность таланта. Впрочем, пейзажей и городских пространств с аптекой Тулушева не пишет.

Главное сказано, теперь: необходимые детали и степень заинтересованности одного мастера в представлении другого. Всё очень просто — Елена Тулушева ещё и училась на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького, и мне, преподающему в этом институте больше двадцати лет литературное мастерство, довелось читать её дипломную работу. Но ведь не холодными мрачными глазами читаем мы своих выпускников! Чему-то мы можем их научить, но что-то и они могут нам рассказать.

Стихия Елены Тулушевой — это мир трудного детства и юности, это тяжёлые семьи и тёмные углы жизни, которые по традиции власть прячет, а русская литература по традиции раскапывает. Собственно говоря, с этим и предстоит познакомиться читателю. С неким мальчиком Васькой, который не против покурить или что-нибудь “принять на грудь”. С бюрократической системой, когда органы опеки передают уже другого мальчика в так называемые “хорошие руки”, с мамами, которые бросают в роддоме своих чад, и с мамами, для которых так важно иметь долгожданного ребёнка. “Жизнь такова, какова она есть, и больше — ни какова”. Пусть простят меня за известную цитату из Владимира Кострова, но лучше не скажешь. Правда, можно кое-что аранжировать цитатами из самой Тулушевой, но это не только о её ге-

* Тулушева Елена. Чудес хочется! Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. М., 2016.

роях, но и о нашем с ней времени. Конечно, цитаты могли быть и моими собственными, как у более опытного и старшего, но они – у Елены, как у более социально зоркой. Нам иногда только кажется, что мир сделан по телевизионной картинке!

“Три года кадетства – три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания – пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, – подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у неё работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слезы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там надо было драться. Постоянно, за всё: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая всё больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищённые взгляды ребят, когда он выходил в “качалку”, нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту”.

Специалист, конечно, понимает, что подобное трудно сочинить и взять, как говорится, из головы. Здесь нужно сердце, ум, наблюдательность, наконец, терпение и такт, чтобы с мальчишкой поговорить, взять его руку, посмотреть в глаза, расположить так, чтобы он поверил. Подобные наблюдения писателю даются собственной кровью, но надо ещё помнить, что чужую боль писатель ещё долго носит в собственном сердце, подбирая слова и раздумывая, как бы всё это расположить. Хороший писатель это не только и не столько бытописатель, а ещё и аналитик. Доля эта не минула и Елену Тулушеву. Умеет формулировать.

“Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Полиция решила оградить ребёнка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... её бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в её жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, выращившей наркоманку.

Наркоманами не рождается. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей”.

Безжалостная, конечно, у нас жизнь, и то, что поднимается иногда у нас с гражданским гневом в Думе, продолжает бытовать и даже не прячется по углам. Гибнут, конечно, и самолёты, но как часто под сурдинку политической жизни погибают, барахтаясь в повседневном море нищеты, и люди. И собственно, чего Елена, молодая и, видимо, успешная женщина, о них пишет? Строчи себе романы “про красивую жизнь”, с дорогими квартирами и гоночными автомобилями, а лучше сценарии на телевидении, где тоже бывает мрачновато, но зато везде торчат такие лёгкие ко исполнению драки, стрельба и убийства! Нет, тянет своё, хорошо знакомое, трагичное и для многих сокровенное. Суровое детство? Трудная юность? А может быть, это самое загадочное русское свойство – справедливость? Тяжёлую ношу взвалила на себя Елена Тулушева, впрочем, это наша, русская ноша, а своя ноша, как известно, не тянет.

На VII Славянском литературном форуме “Золотой Витязь” книга Елены Тулушевой “Чудес хочется!” удостоена серебряной награды.